

Т.Б. Длугач

В.С. Библер о логике культуры

Длугач Тамара Борисовна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

На основе глубокого знания истории философии, исходя из анализа трудностей современного теоретического мышления, осмысливая концепцию М. Бахтина, В. Библер приходит к выводу о том, что основание любой теоретической, в том числе философской, системы всегда должно быть противоречивым. Это означает включение в него оснований прошлой и будущей концепций. Это означает также, что логика должна быть логикой диалога и что развитие философских рассуждений не уходит в бесконечность, а совершается как взаимосвязь различных философских установок. Разработкой новых логических идей В. Библер дал направление дальнейшим философским исследованиям.

Ключевые слова: логика, рассуждение, противоречие, культура, наука, самообоснование

Российский философ Владимир Соломонович Библер (1918–2000) получил известность, высказав в 60–70-е гг. идею диалогической логики, принципиально отличной от диалектической логики Гегеля. Он пришел к этой идее, убедившись на основе глубокого изучения истории философии в существовании принципиальных отличий между философскими способами рассуждения, философскими логиками разных эпох и даже внутри одной культуры. В 1960-е гг. у него возникла потребность опереться на молодых философов, которые могли бы поддерживать и пропагандировать его идеи. Так с 1964 г. молодые профессионалы – философы, химики, историки, психологи и учителя – раз в две недели стали собираться на квартире у Библера. Вначале их было человек 10, но за последующие 35 лет собралось достаточно много, и их собрания превратились в теоретический семинар [см. Глазман, 2009]. Подобных семинаров в то время в Москве и ряде других городов существовало немало, они стали духовными центрами, противостоящими идеологическому влиянию. Возникали и общероссийские семинары, например, при Институте истории естествознания и техники, где директором был Б.М. Кедров. На семинарах у В. Библера изучались сочинения великих мыслителей прошлого – Аристотеля, Прокла, Николая Кузанского; известных современников – М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева; замечательных коллег – Э.В. Ильенкова, Г.П. Щедровицкого, Г.С. Батищева. Обсуждения проходили в доброжелательных спорах, в которых активное участие принимал

В. Библер [см. Ахутин, Берлянд, ред., 2009]. Он вообще ответственно готовился к ним – во вступительном слове ориентировал на определенную задачу, делал заключение, причем относился к участникам как к серьезным собеседникам. Постепенно итоги обсуждений стали публиковаться в ежегодном журнале семинара – «Архэ». Его участниками был подготовлен, в частности, вышедший в 1968 г. первоначально ротاپринтно сборник «XVII век, или спор логических начал» [см. Неретина, ред., 1991], в котором А. Ахутин, Л. Туманова, Т. Длугач, Я. Ляткер, Л. Маркова, С. Неретина и, конечно, сам В. Библер воспроизвели споры между Спинозой, Лейбницем, Декартом, Паскалем по поводу оснований их философских систем. При этом выяснялось, что каждое «основание» и отталкивается от другого, и дополняется им. Таким образом, эта работа была как бы первым печатным обсуждением идеи диалога философских логик [там же, с. 9].

Но, конечно, В.С. Библер не забывал и о собственных работах: в книге «Анализ развивающегося понятия» [Арсеньев, Библер, Кедров, 1967] был опубликован подготовленный им большой раздел, посвященный логике развития физической теории. В нем доказывалось, что старая теория переходит в новую благодаря превращению основного понятия прежней физической науки, в качестве которого В. Библер взял понятие механического движения. Он убедительно показал, что основанием физической теории является философская логика и что понятие механического движения формируется через важные философские понятия существования, становления и на основе понимаемых с точки зрения прерывности и непрерывности пространства и времени. Сущность изучаемого предмета выражается в исходном понятии, а оно развивается в ходе развертывания противоречивых сторон сущности, находящихся, тем не менее, в тождественном единстве. Логика развития теории, следовательно, толкуется через двойственность, антиномичность, взаимодополнительность признаков основного теоретического понятия – механического движения, из которого выводятся все остальные понятия механики.

Анализируя логическое движение, В. Библер пришел к выводу о том, что не только физика, не только естествознание в целом, но и сама логика нуждается в обосновании своего начального понятия, поскольку именно оно определяет все другие понятия. Свои выводы В. Библер высказал и обосновал в двух важнейших книгах – «Мышление как творчество» (1975) и «От логики наукоучения к логике культуры» (1991). «Логично то, – писал он, – что обосновано логически. Если начало логического движения само логически не обосновано, оно не может быть логическим основанием всего логического движения. Тогда говорить о логике невозможно не только в начальном пункте, но вообще, в целом, тогда такой штуки, как логика, вовсе не существует – ни в смысле действительной характеристики процесса мышления, ни в смысле науки логики» [Библер, 1975, с. 15]. Так впервые было высказано новое требование.

Подтверждение этой идеи Библер увидел в том, что современная наука также пришла к убеждению в необходимости обосновать свои начала и при этом столкнулась с неразрешимыми, казалось бы, трудностями. Так, при объяснении того, что такое множество, математик убеждается в том, что оно и является своим членом, и не является. Этот парадокс теории множеств, сформулированный Расселом и иллюстрируемый известным парадоксом о бредобрее, привлек внимание Библера. Он увидел, что в данном случае речь идет не столько об образовании физического понятия, сколько об образовании понятия вообще, о логике формирования понятия. Прибегнув в данном случае к понятию становления, он задумался над тем, что в исходном понятии заложено противоречие, которое выявляется вследствие возникшего кризиса всей логики Нового времени, отразившегося и в кризисе науки. И объясняется кризис тем, что исходное понятие и теоретической, и логической систем

рассматривалось в непротиворечивой форме, а для осуществления развития должно существовать противоречие. Скажем, по отношению к математике «множество» должно быть понято не как один логический субъект (предмет), а как два превращающиеся друг в друга субъекта: брадобрей превращается в простого жителя, которого можно брить, а житель – в брадобрея, который может брить. Это, в частности, выразил Гегель: в предложении «Бог есть бытие» речь идет не об атрибуте Бога, а о другом субъекте; бытие здесь не предикат, оно высказано в качестве субъекта; речь идет о двух субъектах, превращающихся друг в друга. Но в логике Гегеля, прежде всего в ее начальном пункте, нет противоречия, нет двух субъектов, и вследствие этого она должна завершить свое развитие.

И В. Библер начинает рассматривать логику Гегеля именно в ее исходном пункте. Более столетия значение Гегеля было так велико, что представители ряда философских школ привыкли считать его способ рассуждения единственно верным, его логику единственно возможной. Истинность всех философских учений измерялась гегелевским подходом, диалектические противоречия находили и в античной, и в средневековой философии. А между тем это неверно: антиномия, антитетика, парадокс – совершенно другие по типу противоречия, нежели диалектические: например, при анализе парадокса обнаруживается отсутствие у него синтеза. Библер пытался показать, что способы рассуждения и доказательства в прежние эпохи были не такими, как у Гегеля. Гегель стремился построить свою логику как логику познания: ум хочет проникнуть в сущность вещей и пройти от абстрактного знания через причинность, необходимость, случайность к понятию сущности, т.е. к конкретному знанию, к разветвленному богатому понятию. При этом изучаемые объекты признаются не зависящими от познающего субъекта, а субъект считается неизменным, он лишь все больше углубляется в познание. Изменяется лишь объект, но не субъект познания.

Библер убеждает читателей в том, что в Античности и в Средние века объяснения природы были совершенно другими. Так, для античного гражданина понятие – означало показать, как хаос превращается в Космос. Образ Вселенной, нарисованный Аристотелем, тому пример: он представляет модель мира как строго упорядоченную, иерархически-организованную структуру, где все явления и события находятся на своих так называемых естественных местах и, будучи каким-либо образом выбиты из них, стремятся в них вернуться.

Средневековый человек в свою очередь не понял бы, если бы ему предложили считать предметы не зависящими от человека. Совсем наоборот, все вещи и явления оцениваются им с точки зрения приобщения к субъекту, причастности к нему, подобно тому, как все события, и люди прежде всего, причастны Абсолютному субъекту, Богу. Во всех этих случаях речь не идет о познании, не о проникновении в сущность наблюдаемых вещей. Но Античности и Средних веков Библер касается вкратце; он сосредоточивает внимание на Новом времени и доказывает, что именно с конца XVII в. человеческий разум ставит задачу проникнуть в сущность вещей, т.е. становится разумом познающим. Гегелевская логика выразила эту направленность точно, глубоко и всесторонне, она – логика познания.

Согласно В. Библеру, логика становится логикой познания, научной логикой в связи с тем, что в центр духовной культуры XVII–XX вв. выдвигается новая наука, а философия, ее логика формируются в ориентации на научное мышление, на его установки и некоторые логические принципы. Поэтому Библер даже называет философию этих столетий «наукоучением». Не только фихтевская система, но все системы Нового времени были такими.

В самом деле, почему Кант называет первую «Критику» экспериментом чистого разума [Кант, 1964, с. 90]? – Потому что он воспринимает задачу научного разума –

выяснить свойства внешних предметов в ходе *эксперимента*. Ведь наука – образец мышления, а в науке главное средство – эксперимент, и ученый познает предмет, начиная с чувственности и двигаясь к рассудку, а затем к разуму. Почему Гегель выбирает в качестве главного субъекта своей «Логики» *понятие*? – Да потому, что цель науки – построить строгую систему понятий; в форме понятия выражается познаваемый предмет. Да и принципы восхождения и снятия заимствованы Гегелем из науки: ведь именно в науке считается правильным изучать ее достижения по последним результатам, которые включают в себя предшествующие в сокращенном, сжатом, несамостоятельном, «снятом» виде, после чего происходит дальнейшее развитие; так, не нужно изучать физику по работам Ньютона – их результаты вошли в работы последующих ученых. Кажется, что все предшествующие философские системы также утрачивают свою самостоятельность, завершаясь в системе Гегеля. Она считается высшей ступенью философии. И так оно и есть, но лишь по отношению к XVII–XIX вв.

В. Библер обращает внимание на тот факт, что, критикуя гегелевскую систему, еще Л. Фейербах говорил о ее монологичности, о том, что в ней один субъект, а логика нуждается в двух, нуждается в диалоге логики с практикой, с жизнью: «*Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между Я и Ты*» [Фейербах, 1955, с. 203]. Он попытался определить этот диалог через спор Я и Alter ego, но не смог представить последнего иначе, чем через Двойника. Однако Двойник в качестве субъекта его не устроил, а Собеседника, как заметил Библер, он не додумал. Поэтому и у него логика осталась монологичной. Но действительно ли в гегелевской логике нет развития и нет противоречия в исходном пункте? Ведь Гегель все время говорит об *ином*?

По Библеру, в исходном гегелевском понятии нет противоречия, ведь *ничто* и *чистое бытие* не противоречивы; Гегель находит иное, противоречивое в ходе развертывания логики. В своем движении *начало* становится *иным*, и кажется, что совершается развитие: «В диалектическом тигле “это” понятие показывает свою способность быть *иным*. В понятии вскрывается внутреннее противоречие, и оно оказывается способным быть и основанием, и обоснованным. Понятие обосновывает себя своим развитием и в конечном счете обнаружением тождественности своего “абсолютного начала” и “абсолютного конца”. Конечный пункт развития понятий оказывается обоснованием всего логического движения...» [Библер, 1975, с. 18]. Но в начале противоречия нет: «Двусубъектность понятия организована так, чтобы ее можно было представить как сцепление двух последовательных этапов, чтобы распрямить диалог логик в логическую линию, в узловую линию логических мер...» [Библер, 1991а, с. 107]. Гегель мог бы увидеть двух субъектов в анализе текста: усмотреть в научном тексте движение понятий – дело непростое, текст приходится прочитывать как бы дважды. Увидеть в одном тексте другой текст, построенный не из суждений, умозаключений, доказательств, а из других единичных блоков логического движения, – трудно. Но, казалось бы, здесь можно было бы понять, что предмет познания определен не через свои предикаты, а через другого субъекта. И все же для Гегеля они совпали: логический субъект, в пределе Абсолютный Дух, остается неизменным; он только познает себя, раскручивая собственные определения.

Причины для подобных рассуждений, несомненно, были, и Библер их указывает. Прежде всего, если я хочу проверить истинность моих взглядов их соотношением с действительностью (как предлагал Фейербах), то как воспроизвести эту действительность в логике? Ведь тогда я соотношу логически известное с чем-то логически неизвестным. И Гегель не нашел это неизвестное, не нашел второго субъекта. Его логика осталась монологичной.

Кроме того, как уже упоминалось, в мышлении Нового времени признавалось только воздействие субъекта на объект. Сам субъект оставался неизменным, «фиксированным в точке действия вовне, хотя и приобретал все новые и новые орудия познания и деятельности» [Библер, 1991а, с. 46]. Это время не было временем воздействия на себя. Так было в науке. Так было признано и в гегелевской логике.

Здесь Библер обращает внимание на то, что гегелевский всеобщий дух был духом культуры своего времени: индивид должен был, благодаря приобщению к нему, погружаться в атмосферу образования. Не открытие нового, а именно усвоение национальной культуры, культуры образования, было секретом гегелевской логики. Кредо этого века: индивид должен пройти все ступени образования всеобщего духа, но пройти их как прошедшие, исправленные, «снятые». Всеобщий же дух замыкался на себя. Гегель был вдохновлен, по словам Библиера, не пафосом самоизменения субъекта, а пафосом взаимодействия всеобщего и личностного субъектов, которые, по сути дела, оказались тождественными.

Несмотря на критику, В. Библер оценивает гегелевскую логику очень высоко: никому не удалось так точно изобразить движение научного разума, так ярко нарисовать величественную картину познаваемого мира. И тем не менее логика Гегеля была ущербной. А наступающий XXI век, полагает В. Библер, ставит вопрос об изменении субъекта, о его само-изменении, когда он начинает обращать на себя внимание как на другого, а не только как на познающего субъекта. И это запрос нового способа мышления, требование новой логики.

Однако логику Гегеля нельзя просто отбросить, как нельзя отбросить механику Ньютона; именно от нее пролегает путь к будущему логическому строю. И Библер начинает с той границы, до которой дошел Гегель и которую он сам обдумал и развил. По Гегелю, познание закончено, и это надо теперь только понять: «Чистая истина как последний результат становится также началом новой сферы и другой науки. Этот переход требуется здесь еще только наметить» [Гегель, 1972, с. 310]. Гегель не захотел или не смог проследить движение нового духа. Во-первых, он не очень еще представлял себе смысл этой новизны, а во-вторых, не готов был вновь проделывать невероятно трудную работу по рассмотрению движения нового духа – с него было достаточно того, что он уже сделал.

Гегель завершил логическое движение: понятие дошло до сущности и здесь прекратило движение. В понятии мысленного предмета было выражено бытие этого предмета. Но ведь бытие нельзя свести к сущности: предмет не только познается, он еще и существует, причем независимо от познания, как это выразил Кант в понятии вещи-в-себе. Но если мы признаем бытие независимым от сущности и неснимаемым, то можно ли его выразить в логической форме? Если да, то как? И не будет ли оно тогда тем самым *Alter ego*, которое искал Фейербах? Гегель свел все свойства и способности разума к познанию. Он растворил этику, эстетику, психологию и т.д. в науке; лишь наука – подлинное стремление человеческого разума, все остальные его свойства – недоразвитые ступени научного знания. Вспомним, что вплоть до 60-х гг. прошлого века искусство рассматривалось многими учеными как отдохновение. Допускалось, что космонавт возьмет с собой в ракету ветку сирени, он будет любоваться ею и вдыхать ее аромат, и только. Таково значение искусства. Но если эстетика и этика на самом деле имеют самостоятельное значение, то не обладают ли они собственным способом рассуждения (как и предположил Кант) и не оказываются ли они тем самым непонятным, в котором отражается не сущность предмета, а просто его существование? Бытие здесь отлично от сущности. Но можно ли его изобразить?

Говоря о появлении новой логики, В. Библер обращает внимание прежде всего на точки превращения одних рассуждений в другие, на точки, как он их называет,

трансдукции, когда, например, познание превращается в понимание. Познающий разум не исчезает, он втягивается в ауру новой логики, а она развивается не по принципу восхождения к новым уровням, а скорее по типу взаимодействия с иным, диалога с ним, спора прежней и новой логик. И уточняя далее свою точку зрения, Библер поясняет, что, обосновывая себя, разум должен посмотреть на себя как бы со стороны. Но что есть сторона? «Какое-то другое мышление, не мое, что ли?» [Библер, 1991а, с. 41]. А когда мы говорим об обосновании логики бытием, не означает ли это выйти вообще за пределы логики? И здесь Библер ставит исключительно важный по своему значению вопрос: как выглядит бытие (с которым предлагал соотносить логику Фейербах) с точки зрения логики? Оно ведь – не-понятие, оно – что-то непонятное. Может ли оно быть выражено в логике в виде непонятного? – Да, отвечает В. Библер: непонятными для одной логики выглядят другие по своему способу рассуждения. Так, Ньютон не понял бы рассуждений Эйнштейна, а Эйнштейн не принял бы рассуждений Ньютона. Фома Аквинский не понял бы рассуждений Гегеля, и наоборот (т.е. Гегель понял бы рассуждения Аквината как недоразвившиеся до его диалектических рассуждений мысли, т.е. не понял бы). Но самое интересное состоит в том, что, несмотря на такое непонимание, непонятные рассуждения входят в ту логику, что считается понятной. Речь идет о содержании понятия, но, конечно, не любого, а фундаментального. Проанализируем, например, понятие о мышлении, как его понимают сегодня, и мы признаем, что в этом понимании содержится отрицание – как непонятного – толкования мысли как ума у Аристотеля, понимания мысли как ума у Кузанца, понимания мысли как разума у Канта [см. Библер, 1991б]. Но способ рассуждения – это и есть логика, ведь ученый или философ говорят не просто о каком-то предмете, но о том, как следует *верно* понимать этот предмет, какие объяснения считать правильными, а какие неправильными, т.е. рассуждают в рамках определенной логики, даже если не осознают этого. И если имеются существенно разные рассуждения о предметах, то налицо и разные логики.

Да, угадано верно: Библер говорит не только о диалогической логике, он говорит о полифонической логике. Каждое новое фундаментальное философское и нефилософское понятие вбирает в себя прошлое и будущее, оно как бы совмещает в себе исторические этапы развития мышления. И так было всегда. Просто это стало очевидным лишь сегодня, когда разум «обернулся» на себя.

В. Библер осознал это и нацелил философию на другие, нежели гегелевский, способы мышления: сделать своей целью не бесконечное развертывание исходного положения, а его превращение в другие исходные утверждения. Каждый способ мышления, каждая логика обосновывает свое начало началом другой логики и развивается не в бесконечную даль, а как бы двигаясь от себя и к себе, осуществляя спор нововременных толкований с античными и средневековыми и открывая каждый раз и сходство, и различие. В небольшой статье «Диалектика и диалогика» Библер определяет: «*Диалогика* – логика диалога двух и более логик. Предполагается, что всеобщее множественно, и каждая из логик актуализирует одну из возможностей бесконечно возможного бытия. *Диалектика* же предполагает развитие одной, данной логики – самотождественной. Причем диалектика подразумевает, что эта единственная самотождественная логика носит характер бесконечного саморазвития, – именно замкнутое в себе в бесконечность идущее движение и развитие» [Библер, 1998, с. 14].

Конечно, и раньше были философы, не считавшие гегелевскую систему единственной и всеобъемлющей: Ницше, Шопенгауэр, Бергсон, Дильтей и другие строили свои системы, делая ставку не на науку и познающий разум, а на другие способы отношения к миру. Но только Библер предложил негегелевский путь развития логики, поставив вопрос об обосновании *начала* философского размышления, увидев

главную задачу философствования в обосновании его исходного пункта. Для этого надо было определить не только гегелевскую систему, но и все философские учения Нового времени как ориентированные на науку, как наукоучение и показать его исторические границы, т.е. найти точки его возникновения и завершения.

Возникновение нового всегда выглядит как нечто непонятное, ведь оно отлично от привычного. В. Библер пишет: «Когда я мыслю, я с той же силой формулирую и то, что я понимаю в объекте, и то, что я в нем принципиально не понимаю, что является для меня изначальной загадкой, чем-то выходящим за пределы моего разумения. В понятие предмета столь же входит понятное о нем (объект познания как идеализованный предмет), сколь и непонятное (объект познания как невозможность идеализованного предмета). И только если есть то и другое, мы имеем понятие, а не термин» [Библер, 1991а, с. 59]. И речь здесь идет вовсе не о том, что ученый *пока* еще не понимает, не знает, но что он узнает со временем. Нет, речь идет о предмете вообще *вне* моего знания, о его «нелогичности в свете наличной логики».

Так, Кант писал о том, что предметы являются критерием истины не поскольку мы их знаем, а поскольку мы их не знаем: неизвестная вещь-в-себе организует все наше знание как его безусловное. Ведь бытие не является мышлением, оно всегда выходит за его границы, и в то же время оно должно войти в него, иначе *что* же мы познаём? Но оно должно войти именно как непонятное.

Как мы видели, В. Библер делает здесь важное философское открытие: он включает это непонятное, не-понятие, бытие в мышление, в логику как... *иную*, по сравнению с наличной, логику, т.е. как тип объяснения, отличный от принятого сегодня. И далее он объясняет: мыслитель лишь постольку мыслит, поскольку противоречит сам себе, спорит с самим собой. Усомниться в себе – высшее искусство и сила мышления. Надо в *контексте* логики обосновать логику бытием как внелогическим началом, ввести другую логику, или иначе – показать, как одно понятие (фундаментальное) превращается в другое (тоже фундаментальное), как познающая логика Гегеля в своем пределе превращается в понимающую логику Библиера. Надо предположить, что в самом сознании Я могут существовать Я-знающее и Я-незнающее, Я-мыслящее по определенному канону и Я-изменяющее этот канон.

Тогда, пишет Библер, следует предположить две системы аргументации и двух логиков, работающих во мне. Не укладывающееся в «нормальное» объяснение непонятное рассуждение является рассуждением от имени бытия; оно нелогично, оно входит в логику как другая логика. «Иная “логика”, логика бытия воспроизводится в моей работающей сегодня логике в форме логики не-знания, не-понимания» [Библер, 1975, с. 76], другой логики. И Библер раскрывает итог своих размышлений: в контексте кризиса современного теоретического мышления и в контексте историко-философских толкований, упирающихся в трудность самообоснования, творческое мышление должно быть осмыслено как диалог, в котором происходит самообоснование и самоизменение логики. Требуется логика диалога.

Этот итог формулируется не в виде пожелания или предположения. В. Библер убежден в том, что логика диалога уже действует и решает трудности, перед которыми остановилась логика XX в. В свете этой логики учения Аристотеля или Лейбница рассматриваются не как «снятые», утратившие свой смысл сегодня. Напротив, их аргументы сейчас бы работали, имели бы значение и нашли бы новые доводы в споре, например, с Хайдеггером.

В этом случае внимание философа, полагает Библер, должно быть направлено не только на текст, но и на способ воссоздания, реконструкции этого текста, точнее, на размышления автора текста, на его личность. И тогда текст выступил бы как *произведение* вполне определенного автора, мысль которого инициировала бы мысль другого человека, другой личности. Анонимность тогда устранилась.

В. Библер хорошо понимает связь этих идей с идеями М.М. Бахтина, который выступает как его союзник [см. Бахтин, 1989]. Он опирается на открытие Бахтина, говоря о двух различных способах наследования истории [Библер, 1991в, 1997]. При одном все предшествующее уплотняется, сжимается, предстает в снятом виде, когда прошлое выглядит как подготовительная ступень для настоящего. Другой тип оставляет самостоятельную прошлую культуру, воспроизводит ее решения в качестве неснимаемых ответов, предлагаемых настоящему как проблемы. Решил ли Гамлет более верно, чем Эдип, вопрос о том, что значит поступать нравственно? Права ли Анна Каренина в споре с Татьяной? М. Бахтин показал, что различные ответы остаются верными и в то же время спорными, так как истина одна, хотя она многолика [см. Гоготшвили, Гуревич, ред., 1992].

Верность своих представлений о том, что одна логика граничит с другой, что гегелевское познание превращается в понимание, В. Библер подтверждает, в частности, разбором рассуждений яркого представителя Средневековья – Николая Кузанского. Желание Кузанца абсолютизировать субъект – Бога – приводит к тому, что тот поглощает все существующее, в том числе и объект, но, не имея вне себя объекта, перестает быть субъектом. Тогда требуется совсем другое понимание субъекта и объекта – так появляются две противоположные субстанции Декарта, субстанция протяженная и субстанция мыслящая, не могущие поглотить друг друга.

В. Библер показывает, как возникают и другие точки превращения логики одной культуры в логику другой. Дело здесь не во внешних обстоятельствах, причинах и условиях, а в движении самого разума, обосновывающего себя. Появление Гамлета можно объяснить социальными причинами, но смысл его появления – необходимость возникновения нового «образа культуры», субъекта культуры своего времени, осознающего себя как иного героя, чем, скажем, античные герои Софокла. Каждый «камень», лежащий в фундаменте какой-либо культуры, имеет две стороны, нацеленные в прошлое и в будущее, открывая взаимодействие с прежними и будущими культурами в точках непонимания и превращения. «Посторонняя» культура обладает мощной силой обращать меня в свою веру, и все же воспринимается как нечто постороннее, внешнее для меня нынешнего, тогда как «моя» культура неотделима от меня. Разные культуры, разные способы жизни и мысли не просто встречаются, а расходятся из одной точки и сталкиваются друг с другом. В логике это – полифоническая логика, по сути, логика диалога.

Формированию новой логики способствует сегодня то, что наука, занимавшая центральное место в прежней культуре и опиравшаяся на принципы снятия и восхождения, превращается в один из элементов культуры наряду с искусством, этикой, экономикой и пр. Она теперь включает в себя разные научные подходы: сопоставляет атомы Гассенди и электроны Бора, силу Ньютона и энергию Эйнштейна. Галилей не меньше знает о мире, чем Эйнштейн, а Аристотель – не меньше, чем Галилей, у них просто разные подходы и разные оценки, которые связаны друг с другом в точке взаимного перехода. Принцип общения становится главной характеристикой новой культуры и новой логики, которая строится – через времена и страны – по модели не восхождения, а взаимопонимания [см. Библер, 1996].

Не меньшую, а, скорее, большую роль для ее возникновения играет изменение характера труда. В процессе развертывающейся научно-технической революции человек действует не в огромных машинных коллективах, а внутри малых творческих групп – в лабораториях, экспериментальных группах – и даже наедине с собой. Исчезает жесткое распределение работников в различных машинных системах. Главной становится деятельность по общению с другими и самоизменению. Общаясь с другими изобретателями, профессионалами, каждый задумывается над своими идеями, изменяет и развивает их. Обращение «на себя», самодействие

и есть «раздвоение» единого меня, двусубъектность, что и вызывает появление антиномических рассуждений, т.е. диалогической логики. Рабочее время уступает место свободному времени, становится богатством общества, как и предвидел К. Маркс. Конечно, весь процесс осуществляется очень медленно, порождая сначала бескультурье; но то, что было раньше исключением, становится правилом. В русле научно-технической революции прежние элитарные процессы формирования творчества в науке и искусстве становятся всеобщими, повседневными, и речь идет не о социальных потрясениях, не о революциях, но о повседневно складывающемся новом способе жизни и деятельности. Не социальные революции, а научно-технические фундаментальные изобретения меняют структуру общества; общение становится плотью новой социальности.

Подведем итоги. В. Библер заявил о логике культуры и обосновал ее необходимость. Согласны мы с ним или нет, об этом еще предстоит думать [см. Тищенко, 2018]. О себе он говорил: «Я философ и этим интересен». И действительно, его размышления представляют огромный интерес и во многом определяют направление дальнейших философских исследований. Обычно крупного мыслителя оценивают после его смерти; мы сегодня имеем этот шанс, и хотелось бы оценить В. Библера именно как крупного мыслителя, как выдающегося философа своего времени.

Список литературы

- Арсеньев, Библер, Кедров, 1967 – *Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М.* Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1967. 440 с.
- Ахутин, Берлянд, ред., 2009 – Владимир Соломонович Библер / Под ред. А.В. Ахутина и И.Е. Берлянд. М.: РОССПЭН, 2009. 375 с.
- Бахтин, 1979 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 318 с.
- Библер, 1975 – *Библер В.С.* Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 400 с.
- Библер, 1991а – *Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры: Два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.
- Библер, 1991б – *Библер В.С.* Кант – Галилей – Кант. Разум Нового времени в парадоксах самообоснования. М.: Мысль, 1991. 320 с.
- Библер, 1991в – *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991. 170 с.
- Библер, 1996 – *Библер В.С.* Быть философом... // Архэ. Ежегодник культурологического семинара. 1996. Вып. 2. С. 11–24.
- Библер, 1997 – *Библер В.С.* На гранях логики культуры. М.: Рус. феноменол. о-во, 1997. 440 с.
- Библер, 1998 – *Библер В.С.* Диалектика и диалогика // Архэ. Ежегодник культурологического семинара. 1998. Вып. 3. С. 13–23.
- Гегель, 1972 – *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. Т. 1–3. Т. 3. М.: Мысль, 1972. 371 с.
- Глазман, 2009 – *Глазман М.С.* Домашний семинар В.С. Библера // Владимир Соломонович Библер / Под ред. А.В. Ахутина и И.Е. Берлянд. М.: РОССПЭН, 2009. С. 348–361.
- Гоготышвили, Гуревич, ред., 1992 – М.М. Бахтин как философ / Отв. ред. Л.А. Гоготышвили, П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Кант, 1964 – *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
- Неретина, ред., 1991 – XVII век, или Спор логических начал / Отв. ред. С.С. Неретина. М.: ИФ РАН, 1991. 152 с.
- Тищенко, 2018 – *Тищенко П.Д.* Перечитывая Библера (чтение как отображение смысла и/или его конструирование) // *Vox.* Электронный философский журнал. 2018. Вып. 24. Электронный ресурс: <https://vox-journal.org/content/Vox%2024/Vox24-5-Bibler%20PanelID.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).
- Фейербах, 1955 – *Фейербах Л.* Основные положения философии будущего // *Фейербах Л.* Избр. филос. произв.: в 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. 676 с.

V.S. Bibler on the Logic of Culture

Tamara B. Dlugatsch

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: dlugatsch@yandex.ru

Based on a deep knowledge of the history of philosophy, based on an analysis of the difficulties of modern theoretical thinking, comprehending the concept of M. Bakhtin, V. Bibler comes to the conclusion that the foundation of any theoretical, including philosophical, system should always be contradictory. This means including in it the foundations of past and future concepts. It also means that logic should be the logic of dialogue and that the development of philosophical reasoning does not go to infinity, but is accomplished as an interconnection of different philosophical attitudes. The development of new logical ideas V. Bibler gave direction to further philosophical research.

Keywords: logic, reasoning, contradiction, culture, science, self-justification

References

- Arsen'ev A.S., Bibler V.S., Kedrov B.M. *Analiz razvivajushhegosja ponjatija* [Analysis of the Developing Concept]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 440 p. (In Russian)
- Bakhtin M.M. *Problemy pojetiki Dostojevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 318 p. (In Russian)
- Bibler V.S. Byt' filosofom... [To be a Philosopher...], *Arche*. Ezhegodnik kul'turologicheskogo seminar, 1996, vyp. 2, pp. 11–24. (In Russian)
- Bibler V.S. Dialektika i dialogika [Dialectics and Dialogic], *Arche*. Ezhegodnik kul'turologicheskogo seminar, 1998, vyp. 3, pp. 13–23. (In Russian)
- Bibler V.S. *Kant – Galilej – Kant. Razum Novogo vremeni v paradoksah samoobosnovanija* [Kant – Galileo – Kant. The Mind of the New Age in the Paradoxes of Self-justification]. Moscow: Mysl Publ., 1991. 320 p. (In Russian)
- Bibler V.S. *Mikhail Mikhajlovich Bakhtin, ili Pojetika kul'tury* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or Poetics of Culture]. Moscow: Progress Publ., 1991. 170 p. (In Russian)
- Bibler V.S. *Myshlenie kak tvorchestvo* [Thinking as Creativity]. Moscow: Politizdat Publ., 1975. 400 p. (In Russian)
- Bibler V.S. *Na granjah logiki kul'tury* [On the Brink of the Logic of Culture]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1997. 440 p. (In Russian)
- Bibler V.S. *Ot naukouchenija k logike kul'tury: Dva filosofskih vvedenija v XXI vek* [From the Doctrine of Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the 21st Century]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 413 p. (In Russian)
- Feuerbach L. Osnovnye polozhenija filosofii budushhego [General Outline of the Philosophy of the Future]. In: Feuerbach L. *Izbrannye filosofskie proizvedenija* [Selected Works]: v 2 t., t. 1. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955. 676 p. (In Russian)
- Glazman M.S. Domashnij seminar V.S. Biblera [V.S. Bibler's home Seminar], *Vladimir Solomonovich Bibler*, ed. by A.V. Ahutin, I.E. Berl'jand. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009, pp. 348–361. (In Russian)
- Hegel' G.V.F. *Nauka logiki* [Science of Logic] v 3 t., t. 3. Moscow: Mysl Publ., 1972. 371 p. (In Russian)
- Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. In: Kant I. *Sochinenija* [Works] v 6 t., t. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1964. 799 p. (In Russian)
- M.M. Bakhtin kak filosof [M.M. Bakhtin as a Philosopher], ed. by L.A. Gogotishvili, P.S. Gurevich. Moscow: Nauka Publ., 1992. 256 p. (In Russian)
- Tishhenko P.D. Perechityvaja Biblera (chtenie kak otobra-zhenie smysla i/ili ego konstruirovanie) [Re-reading of Bibler (Reading as a Representation of Meaning and/or its Construction)], *Vox. Elektronnyj filosofskij zhurnal*, 2018, vyp. 24. URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2024/Vox24-5-Bibler%20PanelD.pdf> (accessed 20.05.2020). (In Russian)
- Vladimir Solomonovich Bibler*, ed. by A.V. Akhutin, I.E. Berl'jand. Moscow: ROSSPEN Publ., 2009. 375 p. (In Russian)
- XVII vek, ili Spor logicheskikh nachal* [17th Century, or the Dispute of Logical Principles], ed. by S.S. Neretina. Moscow: RAS Institut of Philosophy Publ., 1991. 152 p. (In Russian)